

САРЫСКА.

(Бытовые наброски).

Во время службы моей въ Кузнецкомъ округѣ мнѣ постоянно приводилось производить слѣдствія и разбирательства различныхъ споровъ, возникшихъ между крестьянами и черными инородцами. Не особенно отрадное впечатлѣніе оставалось у меня послѣ подобныхъ разбирательствъ. Существовавшія въ то время между крестьянами и инородцами отношенія были крайне печальны. Со стороны крестьянъ во всемъ проглядывала наглая эксплуатація инородцевъ, обманъ и всевозможныя притѣсненія ихъ; положимъ, что это было давно,—болѣе четверти вѣка протекло уже съ тѣхъ поръ,—можетъ быть, въ настоящее время подобныя отношенія во многомъ уже измѣнились къ лучшему, смягчились; но все-таки нерѣдко, перебирая въ своей памяти все видѣнное и пережитое мною, невольно приходишь къ заключенію, что едва ли и нынѣ крестьянинъ относится болѣе добросовѣстно къ инородцу,—едва ли и инородцы выбились изъ тѣхъ сѣтей или, вѣрнѣе сказать, паутины, въ какую запутываютъ ихъ смѣтливые сибирскіе мужички, не пренебрегающіе средствами для наживы. Какъ много терпѣли иногда инородцы отъ смѣтливыхъ мужичковъ,—я приведу эпизодъ, особенно вѣзавшійся въ моей памяти, который можетъ служить въ то же время яркою иллюстраціей патріархальныхъ нравовъ деревни.

Въ началѣ октября 1867 г., я получилъ донесеніе одного изъ волостныхъ правленій, что „ясачный инородецъ Березовскаго аила (аула), Арсакъ Сарбысаковъ, именуемый болѣе Арбыской, неоднократно замѣчаемый въ воровствѣ и другихъ противозаконныхъ поступкахъ, угналъ у торгующаго крестьянина села П—ва Максима Николаева Деркина двухъ лошадей и, несмотря на погоню за нимъ, успѣлъ скрыть угнанныхъ лошадей въ тайгѣ; что, хотя Сарбысаковъ въ настоящее время арестованъ и сознался въ кражѣ лошадей, но, куда скрылъ—упорно скрываетъ несмотря на всѣ увѣщанія“. Предписавъ волостному правленію доставить Сарбысакова ко времени моего пріѣзда въ село П—во, я выѣхалъ изъ Кузнецка и пріѣхалъ въ П—во на третій

день вечеромъ, совершенно разбитый отъ вѣды въ тряской телѣгѣ по проселочнымъ дорогамъ, размытымъ осенними дождями, и къ тому же промоченный насквозь мелкимъ, холоднымъ дождемъ, который не переставалъ „моросить“, какъ выражаются крестьяне, уже нѣсколько дней. Едва внесли мои вещи и чемоданъ съ дѣлами на земскую квартиру и я успѣлъ раздѣться и присѣсть въ ожиданіи самовара, какъ въ комнату ко мнѣ вошелъ крестьянинъ лѣтъ сорока на видъ, одѣтый въ черный зипунъ тонкаго сукна, перехваченный шелковой опояской. Черная, окладистая борода обрамляла красивое полное лицо его, имѣвшее характерный пухлый, вѣрнѣе сказать, крупчатый видъ, свойственный исключительно людямъ, торгующимъ по купеческому свидѣтельству. Большіе черные глаза вошедшаго сразу привлекли мое вниманіе. Это были дѣйствительно замѣчательные глаза. Въ нихъ просвѣчивало много ума, нахальства, лукавства и ироніи. Какія бы благочестивыя рѣчи не говорилъ обладатель ихъ, но глаза не повиновались ему и выдавали его:—они, лукаво смѣясь, докладывали слушателю, что хозяинъ ихъ все лжетъ и говорить не то, что на умѣ у него. Быстро окинувъ меня своимъ пронизательнымъ взглядомъ, какъ бы желая узнать какого сорта человекъ сидитъ передъ нимъ, вошедшій смиренно осѣнилъ себя троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ и затѣмъ, отвѣсивъ мнѣ низменный поклонъ, всталъ въ почтительной позѣ у порога.

— Что тебѣ нужно, братецъ?... спросилъ я.

— Къ вашей милости по дѣлу! снова поклонившись, отвѣтилъ онъ:— окажите защиту—на одного васъ только и уповаю!..

— Кто же ты такой?..

— Деркинъ... Максимомъ зовусь-то будто, но отчеству-то Николаичемъ нишемся!.. отрекомендовался онъ.

— Ты тотъ самый Деркинъ, у котораго Сарбысаковъ угналъ лошадей?..

— Тѣ самые будемъ, такъ точно-съ!..—съ новымъ поклономъ отвѣтилъ онъ:—тѣ самые и есть!..

— Какъ же онъ угналъ у тебя: со двора или съ поля?..

— Со двора-съ!.. Даже можно такъ доложить,—изъ подъ замка!.. Въ корень подсѣкъ онъ меня эфтимъ дѣломъ. Даже такъ, доложу, раззорилъ!.. Энти мои-то лошади на зависть по всей округѣ были!.. Я бы тыщи рублевъ за одну-то изъ нихъ не взялъ!.. А-ахъ!.. и разбойникъ-же! произнесъ онъ, покачавъ головой:—што ни самолуччихъ лошадей похитилъ. Угони онъ у меня двадцать другихъ лошадей, такъ бы нутро мое не болѣло объ нихъ, какъ объ этой парѣ!..

— Значить онъ заранѣе высмотрѣлъ ихъ у тебя?..

— Выглядѣлъ!.. Ужъ такъ полагать, што выглядѣлъ!.. Съ догляду это дѣло сдѣлано!

— Онъ бываль у тебя въ домѣ?...
 — Бываль... какъ не бываль... Мало ли ихъ, собакъ, шатается ко мнѣ!

Потому какъ мы, признаться, по торговой части состоимъ, оборотъ съ ими ведемъ... хлѣбъ имъ отпускаемъ и иное прочее, што для ихъ обиходу требуется, такъ ихъ много шатается къ намъ, собакъ то энтихъ некрещенныхъ, ежечасно почестъ...

— Ты что же, — крестьянинъ?...
 — Такъ точно-съ!... Тятенька-то, покойная головушка, будто въ мѣщаныхъ состоялъ, по паспорту проживаль здѣсь... Ну, потому общество это по малости утѣнять стало насъ накладками... обидно, это будто показалось намъ супротивъ другихъ втрое да вчетверо платить, — мы и перечислились по хрестьянству. Оно будто и способй!

— Чѣмъ же торгуешь?...
 — Всякимъ товаромъ, што по хрестьянству требуется, ничѣмъ не брезгуемъ. И желѣзо есть у насъ, и красный товаръ, и кожевенный, и мыло, и свѣчи... да все што требуется въ обиходѣ. Орудумъ по малости!

— Расскажи ты мнѣ, какъ онъ угналъ у тебя лошадей, какъ дѣло было?
 — Ужъ какъ оно дѣло-то было, затруднительно мнѣ доложить вашей милости, потому какъ меня въ тѣ поры дома-то не было — въ отъѣздѣ былъ.

Мы, признаться сказать, въ осеннюю-то пору завсегда почестъ въ чернь по аиламъ бѣгаемъ: скупамъ это у тотарь-то орѣхъ, медъ отъ заматившихся пчель, пушнину, долги это собирамъ, признаться, съ нихъ, потому какъ напредъ задаемъ имъ, кому хлѣбомъ, кому чѣмъ. Дома то хозяйка одна оставалась, да работники! Пріѣзжаю домой, говорятъ: коней угнали... Индѣ это какъ обухомъ по головѣ треснули. Ка-акъ... спрашиваю, кто?... — Да не иначе, какъ Сарбыска, обсказываютъ мнѣ. Пріѣхаль, говорятъ, это и цѣльный день ждалъ тебя: не подъѣдешь ли; дѣло, говорятъ, было какое то до тебя. А какое собакъ и дѣло до меня?... Голь, какъ песь, окромя своей шкуры ничего нѣтъ! Ну, и ночь ужъ настала, а онъ все сидить... Хозяйка то моя и говорить ему: уходи, вѣдь ночь на дворѣ!... Я, говорить, обночую у васъ! — Ну, а ночь-то ночевать его поопасились оставить, какъ ни какъ выжили его изъ дому. А онъ, должно полагать, песь этакой, ужъ умыселъ этотъ имѣлъ и пришатился гдѣ ни есть за угломъ, аль на сѣновалѣ. А работники-то не доглядѣли, не въ домекъ было... Кони-то въ конюшнѣ стояли, на замкѣ были... Передъ разсвѣтомъ это время вышелъ работникъ на дворъ, глядитъ, што за диво, ворота будто отперты... Глянулъ далѣ то... На! у конюшни и замокъ сбитъ, и коней нѣту... Ну, трелогу-это поднялъ, сполохнулъ весь домъ. Къ старостѣ кинулись: такъ и такъ-де... дай помочи! Ну, староста это, Флегонъ Иванычъ, дай Богъ здоровья ему, сичасъ это двоихъ работниковъ моихъ на конь посадилъ и самъ-то съ сыномъ на верхнихъ

въ погоню за Сарбыской кинулись, потому въ умѣ-то держали, што это дѣло неминуче рукъ его. Ну, чего-жь? Приѣхали въ анль къ нимъ, прямо къ избѣ Сарбыски... видятъ—не заперта; вошли въ избу, глядятъ—Сарбыска дома, спитъ. Растолкали его, спрашиваютъ: ты коней угналъ?. „Я, говорить, не ищи нигдѣ... я угналъ, а ужъ, гдѣ они—не скажу, хошь рѣжь!“ А-ахъ ты собака! собака!... Кинулись къ башлыку къ ихнему: такъ и такъ, говорятъ, Сарбыска повинился, што коней угналъ. Дай помочи, попытай его! Пуцай уважетъ, гдѣ они спрятаны. А мнѣ, говорить, што за дѣло?—башлыкъ то отвѣтствуетъ: твои кони, ты и пятай его! Собаки вѣдь—другъ друга прикрываютъ. Ну, чего же? староста Флегонъ Иванычъ арестовалъ Сарбыску и въ волость повелъ, а работники мои въ чернь бросились. Шарили, шарили—и слѣда нигдѣ нѣтъ... только коней упарили! Ну, когда обсказали мнѣ это, я въ волость кинудся къ старшинѣ и писарю: допустите-де Сарбыску видѣть. Пустили. Говорю ему—Сарбыскѣ-то: такъ и такъ де, Богъ съ тобой... и съ мошенствомъ твоимъ. Отъ него одно только утруденье начальству... Укажи мнѣ безъ грѣха, гдѣ коней взять? Все, чего ты долженъ мнѣ, возьми себѣ, владай... я и не помяну, Богъ съ тобой!

— А много онъ долженъ тебѣ?... прервалъ я.

— Мно-о-ого!... длинный за нимъ хвостъ-то!.. Сколь этого хлѣба перебралъ у меня, товару. Ружье, собакъ, даль, ружье-то одно рублевъ десять стоитъ. И не сочтешь всего!.. Ну, и говорю это ему добрымъ словомъ: отдай коней! окромя того, что долгъ тебѣ прощу, сто рублевъ ишо тебѣ жертвую, коня дамъ, хлѣба, сколь хошь, дамъ тебѣ... хошь полсотни пудовъ отсыплю, не постою, только обороти мнѣ коней. Слушаетъ это, собака, да смѣется, скалитъ это зубы, глядя на меня—и што хошь! Слушалъ, слушалъ это онъ, чего я судилъ ему, да и говорить: „пущай только на волю меня выпустятъ, тогда не то ишо жди отъ меня... я ишо сналю тебя!“

— Между вами, вѣроятно, ссора была? а?..

— То ишь вотъ... поперешнаго слова никогда сказано не было... Ужъ вѣрите Богу!.. Ужъ сколько онъ мнѣ долженъ, на записъ-то взглянуть, такъ аршиномъ ее не смѣряшь.. И хошь бы когда я помянулъ ему объ отдачѣ, собакъ экому!.. И когда бы онъ ни пришелъ, чего бы не попросилъ, отказу не было.

— Странно что-то!.. какъ это такъ? Ссоры между вами не было; о долгахъ ты не поминалъ ему; чего онъ просилъ у тебя, ты не отказывалъ... За что же у него могла явиться такая ненависть къ тебѣ?..

— Собака!.. Одно только слово и скажу,—собака!..

— Нѣтъ, братъ, чтонибудь да не такъ! Между вами чтонибудь было, да ты скрываешь?..

— Вотъ истиннымъ Богомъ заклянусь, ваша милость, никакихъ грѣховъ не знаю за собой супротивъ его!

— Не вѣрю!

— Какъ угодно-съ! Душа вѣдь—не карманъ.... не выверотишь ее, да не покажешь на ощупь... вздохнувъ, произнесъ онъ, но глаза его при этомъ засвѣтились такимъ смѣхомъ, что самый непроницательный человѣкъ усомнился-бы въ правдивости его завѣреній.

— Не вѣрю!... повторилъ я.

— Какъ угодно вашей милости!..

— Не вѣрю вотъ почему. Сознайся самъ: еслибъ онъ укралъ у тебя лошадей съ цѣлью приобрѣсти черезъ продажу ихъ выгоду для себя, то ужъ онъ-бы не сознался съ перваго слова въ кражѣ ихъ, а сталъ-бы заператься, что знать ничего не знаетъ и вѣдать—не вѣдаетъ; а доказательствъ, что лошадей укралъ именно онъ, а не кто другой, никакихъ нѣту. Что онъ сидѣлъ въ твоемъ домѣ цѣлый день, такъ это еще не доказательство. Такъ или нѣтъ? а?...

— Статься можетъ, вамъ болѣе знать!

— Между тѣмъ, онъ сразу сказалъ, что лошадей угналъ онъ и не отдастъ ихъ. Ты ѣдешь къ нему въ волость, общаешь ему не поднимать дѣла о покражѣ у тебя лошадей, общаешь кромѣ того простить ему весь его долгъ, дать еще коня ему, сто рублей денегъ и сколько онъ хочетъ хлѣба, а онъ въ отвѣтъ на это грозитъ еще сжечь тебя... Ну что-жъ ты скажешь? а?...

— Што жъ сказать... власть—воля ваша!

— Ну, сознайся самъ, не странно развѣ: вѣдь Сарбыскѣ выгоды-бы было, разъ ты общалъ ему не поднимать дѣла, вмѣсто того, чтобъ сидѣть въ каталажкѣ, гулять на волѣ, взявъ отъ тебя сто рублей, хлѣба, коня, и не платить тебѣ долгу? и за все это вернуть только тебѣ угнанныхъ лошадей! Выгоды-бы или нѣтъ? а?...

— Отъ продажи-то ихъ, ваша милость, онъ, на самый худой конецъ, тыщу рублей выручить...

— А-а, если такъ, то ему не было цѣли тогда говорить, что онъ укралъ ихъ. Тогда, спрятавъ лошадей въ надежномъ мѣстѣ, онъ сказалъ-бы, что ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Ну, арестовали-бы его; но улики и доказательствъ, что укралъ онъ, а не кто другой, никакихъ нѣтъ, его подержали-бы, подержали подъ арестомъ да и выпустили. А выйдя на свободу, онъ потихоньку-бы продалъ гдѣнибудь на границѣ въ другой округъ лошадей и тѣмъ бы дѣло кончилось... Такъ или нѣтъ?

— Статься можетъ!.. чего-жъ сказать мнѣ болѣе на ваши рѣчи?..

— Все это говорю я къ тому, что между вами, вѣроятно, произошло чтонибудь, какая-нибудь ссора,—и онъ мститъ тебѣ, но ты только скрываешь отъ меня, не говоришь правды... понялъ?

— Какъ не понять, поняли!.. съ усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

Въ это время хозяйка земской квартиры подала чайную посуду, самоваръ и тарелку съ ломтиками черной пшеничной булки.

— А ужъ другой-то прикусочки для ихъ милости нѣту? укоризненно спросилъ у нея Деркинъ, взглянувъ на тарелку съ булкой.

— Вишь не готовились... не ждали, говорю, сегодня... полагали въ умѣ то, што завтра подѣдутъ!—отвѣтила она. Ужъ не погнѣвайтесь, ваше благородіе!.. извините, говорю, на прикусочкѣ-то.. ужъ какая есть, поклонившись мнѣ, говорила хозяйка; вишь, кабы гадаю было...

— Спасибо, голубушка!.. Не безпокойся... и это хорошо!...

— А пастилочки не прикажете-ли, ваша милость, или мармеладцу къ чайку?... сухарики у насъ московскіе есть... коржишка... вяземскіе прянички,— произнесъ вдругъ Деркинъ. Держимъ для людей.. Я сейчасъ... сей-секундъ собѣгаю.

— Не безпокойся, почтеннѣйшій, не нужно...

— Помилуйте-съ, какое же тутъ безпокойство! Я сей-секундъ... сле-таю... Вѣдь мы насупротивъ живемъ. А то што же съ черствой-то булкой утруждать васъ... Я сейчасъ!—схватившись за дверную скобу, произнесъ онъ.

— Не нужно! сказалъ тебѣ. Не хлопочи!

— Отчего же-съ? Какія хлопоты, помилуйте-съ... Мы отъ всего, такъ сказать, сердца, отъ усердія, говорю, пораждѣли-бы!... Слава Богу-съ! Съ добрыми людьми водимся, не обходятъ насъ. Ужъ не побрезгуйте... Я сейчасъ принесу!

— Сказалъ-же тебѣ, что не нужно! Слышишь?

— Брезговать, можетъ, изволите, такъ напрасно-съ! У насъ и господинъ неправникъ завсегда гостяетъ и господа прискатели, статейные кунцы... И гос-подинъ губернаторъ нонѣ изволили проѣзжать, такъ остановку имѣли... Одобрили наше житье... съ большимъ даже одобреніемъ похваляли насъ...—обидчиво отвѣтилъ онъ. — Ужъ позвольте мармеладцу по крайности, аль сухари-ковъ, потому, какъ признаться, вы по нашему будто дѣлу изволили утрудить себя пожаловать къ намъ. Я сейчасъ, сей секундъ-же, буду здѣсь!—снова схватившись за дверную скобу, произнесъ онъ.

— Надоѣлъ ты мнѣ, Деркинъ, убирайся домой! Я усталъ. Слышишь, уходи!—произнесъ я, возмущенный его назойливостью. Деркинъ широко раскрылъ глаза, пристально, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и, тихо произнеся: „прощенья просимъ... не погнѣвайтесь на словѣ!“ вышелъ изъ комнаты.

На другой день, часовъ въ семь утра ко мнѣ явился сельскій староста, а за нимъ нѣсколько человекъ крестьянъ,—одни за справками по дѣламъ, касавшимся ихъ, иные съ просьбами, а болѣе всего изъ любопытства: по-смотреть и послушать, какъ и что будутъ говорить, тѣмъ болѣе, что время было свободное отъ всякихъ работъ, а деревня, какъ и городъ, также жад-

но ловить каждую новость, каждый слухъ и затѣмъ на свободѣ варьируетъ ихъ, смотря по степени своего пониманія.

— Ты арестовалъ Сарбысакова? спросилъ я старосту, когда, помолвившись на передній уголъ, онъ спросилъ, не нужно-ли мнѣ кого изъ крестьянъ, чтобы оповѣстить ихъ.

— Это Сарбыску-то?— переспросилъ онъ.—Я, я!

— Какъ было дѣло, расскажи-ка мнѣ?

— Да какъ оно было-то? началъ онъ, тряхнувъ головой и затѣмъ почесавъ въ затылкѣ.—Прибѣгъ вишь ко мнѣ работникъ Деркина, Максима-то Николаича; ну, и докладываетъ, што такъ и такъ—Сарбыска коней хозяйскихъ угналъ... дай помочи!... Ну, чего-жъ тутъ дѣлать? велѣлъ я имъ на коней сѣсть, самъ-то, признаться, съ парнемъ моимъ тоже на верхнихъ сѣли, ну, и поѣхали это въ ауль-то ихній—въ Березовку. Подъѣзжаемъ къ избѣ Сарбыски, глядимъ, не заперта... Вошли въ нее, а онъ, Сарбыска-то, будь онъ неладенъ, растаянулъ это на лавкѣ, да хрипеть на злу голову. Потолкалъ я это его въ бокъ: вставай! говорю. Вскочилъ онъ, глядитъ на меня. Такъ и такъ, говорю я,—на тебя, братецъ, сумлѣннѣ кладутъ, что ты у Деркина Максима коней угналъ. Угналъ, говоритъ. А тебѣ што за дѣло? Какъ, говорю, што за дѣло? вѣдь я староста!... А што-жъ, говоритъ, што староста? чего ты въ чужо-то дѣло лѣзешь? угналъ, да и угналъ. И не отдамъ ихъ... не ищи... Вотъ и все дѣло, какъ было оно!

— А что этотъ Сарбыска—худой человѣкъ, воръ? а?

— Нѣтъ, ровно-бы, не примѣчали худыхъ-то качествъ за нимъ!... Грѣха на душу не возьму—худое сказать!

— Почему-же работникъ Деркина и ты сразу подумали, что лошадей угналъ Сарбыска, а не другой кто, и прямо поѣхали къ нему?...

— Ну, да вишь, будто, какъ сказывали, онъ цѣльный день сидѣлъ у нихъ, ну, оно и подумалось, што никто какъ онъ сородилъ это,—заминяясь, отвѣтилъ староста.—А такъ парень ровно ничего-бы... напрасно што сказать, худого не примѣчали!... снова подтвердилъ онъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Деркинъ, въ томъ-же тонкаго сукна зипунѣ, перехваченномъ шелковою онойской; при дневномъ свѣтѣ наружность его казалась еще болѣе выхоленной. Степенно потупивъ очи, онъ набожно помолился и, отвѣсивъ мнѣ низкій поклонъ, также учиво поклонился всѣмъ окружающимъ и сталъ у притолки, скрестивъ руки на животѣ. Теперь я замѣтилъ въ немъ еще ту особенность, что онъ старался держать свои глаза полузакрытыми, или желая придать себѣ болѣе степенный видъ, или желая скрывать отъ окружающихъ предательскую способность своихъ глазъ.

Вслѣдъ за Деркинымъ въ комнату ввели Сарбысакова или Сарбыску подъ конвоемъ двухъ волостныхъ сотниковъ. Низенькая, приземистая фи-

гура Сарбыски была крайне оригинальна. Большая голова его съ густою шапкою черныхъ, какъ смоль, волосъ дышала несвойственной инородцамъ энергіей. Скулы его мало выдавались; большіе, черные глаза, съ красными прожилинами на бѣлкахъ, были выразительны и въ нихъ не проглядывало той униженной робости, какая свойственна взгляду инородца, а толстыя румяныя губы придавали въ общемъ всей наружности его крайне добродушный видъ. Одѣтъ онъ былъ въ ветхій зипунъ и прорванные сапоги. Кивнувъ мнѣ головой, онъ заложилъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за опояску и разставилъ ноги, отчего приземистая фигура его уподобилась буквѣ „Ф“.

— Ты Сарбысаковъ?... спросилъ я.

— Я! отвѣтилъ онъ. — Сарбыска буду, Сарбыской зовусь!

— На тебя вотъ Деркинъ жалуется, что ты лошадей у него укралъ... правда это?...

— Не правда!... Пошто укралъ... Воруетъ воръ, а я—не воръ... Я, братъ, ничего ишо не воровалъ!... Спроси, кого хошь, пусть скажетъ: Сарбыска укралъ!... Я угналъ у него лошадей, пушай поицеть; поплачетъ и онъ, какъ Сарбыска плачетъ!

— А угнать—развѣ не одно и то же, что украсть? а?...

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!... Пошто такъ говоришь: укралъ!... Ты... эдакъ не говори... слышишь!... Воруетъ воръ, а Сарбыска—не воръ!...

— Путный человѣкъ, какъ не похвалишь!... произнесъ какъ бы про себя Деркинъ...

— Молчи!... крикнулъ на него Сарбыска.—Ты—воръ!

— Ваша милость, воспретите ему поношенье моей чести дѣлать!... обиженнымъ тономъ обратился ко мнѣ Деркинъ.

— Воръ! прервалъ его Сарбыска, на лицѣ котораго выступила при этомъ густая краска.—Ты пошто у меня бабу укралъ, скажи-ка, а?—ставъ къ Деркину въ полъ-оборота и не измѣняя позы, спросилъ онъ.

— Какую бабу онъ укралъ у тебя? прервалъ я, заинтересованный этимъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Жену мою!... отвѣтилъ Сарбыска...

— Да развѣ живаго человѣка можно украсть! усмѣхнувшись, спросилъ Деркинъ.—Вишь ты, дубленая голова, чегу смололь, а?... Жену у него укралъ... Слышите, братцы! обратился онъ къ стоявшимъ около него крестьянамъ и, разведя при этомъ отъ удивленія руками, хлопнулъ ими себя по бедрамъ...

— Нѣтъ... не дубленая голова... вре-е-ешь, воръ ты экой!...

— Какъ же онъ у тебя жену укралъ? прервалъ я Сарбыску.

— У него спроси... Пошто меня спрашивашь?.. Онъ воровалъ, онъ и скажетъ... Вишь онъ говорить—его Богъ лучше нашего... ну, цѣлуй свой хрестъ... скажи, не воровалъ у меня бабы... а?... снова обратившись къ Деркину,

спросилъ онъ. Ты о коняхъ заплакалъ... тебѣ коней жаль... а мнѣ не жаль развѣ бабы, а? Ты думалъ, што мы бѣдные инородцы, такъ съ нами все можно дѣлать, а? Я энту бабу-то вотъ какъ любилъ... въ стѣну головой тыкался!..

— Люби-и-иль... плетью-то дралъ ее — што живаго мѣста на шкурѣ не осталось!.. съ ироніей прервалъ Деркинъ и; глубоко вздохнувъ, произнесъ: О, Господи, Господи! не слушаль-бы!..

— Биль... за тебя биль... воръ ты экой!..

— А я-то при чемъ тутъ?.. што ты плетешь на меня, пустая твоя голова, а?.. Ты памятуешь-ли, чего ты говоришь-то? крикнулъ Деркинъ, злобно сверкнувъ глазами. Ты ишо скажешь, что я человекъа убилъ!..

— Убилъ!..

— Тыфу ты, нечистъ экая!.. сплюнувъ же со злобой, произнесъ Деркинъ Ну, а ишо чего говорить будешь?.. лопочи, послушаемъ...

— Убилъ!.. Меня вотъ убилъ!.. Што мнѣ теперь безъ бабы-то, какое житье, а?.. Я вотъ на свѣтъ-то не глядѣль-бы... Ты думаешь, што я породецъ, такъ собака, не человекъ, — со мной все можно дѣлать, а?.. Зачѣмъ ты мою бабу сманилъ?

— Ты не кричи, Сарбыска! остановилъ я, а Расскажи толкомъ, какъ онъ сманилъ у тебя жену?

— Охота вамъ, ваша милость, допотнютъ его слушать!.. укоризненно произнесъ Деркинъ...

— Это не твое дѣло, братъ! Молчать...

— Слушаемъ-съ!.. дерзко отвѣтилъ онъ...

— Укралъ! произнесъ Сарбыска, встряхнувъ головой, и обтеръ при этомъ кулакомъ правой руки покраснѣвшіеся и заслезившіеся глаза. — Вишь... вотъ языкъ-то у меня худой сказывать!.. Породецъ... а... бѣдный... ну какъ ни какъ... мало-мало жилъ!.. Довиль звѣря ловушкой... бѣлку... хорька, всякаго звѣря ловиль... изба есть, отецъ избу клалъ. Полюбилась мнѣ вотъ дѣвка, ужъ такъ полюбилась — за калымъ въ строкъ пошоль, въ работникахъ жилъ, ну горя этого тоже мало-мало сыто хлебаль! Ну, какъ ни какъ взялъ дѣвку... завелся бабой... жилъ, ладно жилъ! звѣря ловиль, орѣхъ биль, медъ искалъ отъ пчелы, руки не клалъ за пазуху, робилъ!.. Вотъ этоть, крещенный мужикъ Максимка, покупаль у меня все... хлѣба мнѣ даваль, товаръ; ѣздилъ въ избу ко мнѣ и я къ нему ѣзжалъ, чаемъ поилъ онъ меня, водкой, добрый былъ такой мужикъ; бабѣ ситцу дарилъ... платокъ, сапоги дарилъ, добрый былъ... приникомъ бабу подчиваль... калачи возилъ... Вотъ какой добрый былъ!.. Пріѣдетъ въ избу ко мнѣ, вина мнѣ подасть; выпью и ошалѣю — безъ памяти со стакана свалюсь, сплю!.. Народъ нашъ сталъ смѣяться мнѣ: мотри, сказываешь, Сарбыска! Максимка худой мужикъ, шибко бабъ да дѣвокъ портить... испортить онъ тебѣ бабу,

почто ей ситець дарить, приникомъ кормить? Въ Туштулець его какъ били мужики за бабу—рыломъ въ наземъ тыкали!..

— Ну, и нечисть... тѣфу ты окалнный!.. произнесъ Деркинъ, сплюнувъ на сторону, но видимо болѣе для того, чтобъ скрыть свое смущеніе...

— Били... молчи-и!.. рыломъ въ наземъ тыкали!.. крикнулъ Сарбыска.

Три ведра вина выпоилъ мужикамъ, штобъ живого отпустили... вотъ какъ тыкали!.. Што теперь въ Туштулець не ѣзжаешь, а? дорога колотлива штоль, спину отшибла, а? спросилъ Сарбыска.—Ну, смѣются мужики шибко мнѣ...

Вѣдко стало... сталъ бабу пытать... Баба говоритъ: убей меня, шайтанъ... здохни я... не знаю худого дѣла съ Максимкой... Ладно... Учить меня му-

жикъ: скажи Максимкѣ,—въ чернь ѣдешь звѣря ловить, а самъ караулъ...

Послушалъ... Вѣгу къ Максимкѣ: Хочу, говорю, въ чернь ѣхать... На долго?

спрашиваетъ. Ну, говорю, недѣлю поди ѣзжать буду... Ёзжай! говоритъ.

А зачѣмъ, спрашивать, ѣзжать хошь?—Путикъ выглядѣлъ на звѣря... ловить

хочу, ловушку ставить... Ёзжай! говоритъ, ѣзжай!.. Такой добрый сталъ,

хлѣба далъ, ружье подарилъ; вотъ какой добрый сталъ,—только ѣзжай, го-

воритъ!.. Пріѣхалъ домой, бабѣ сказываю: въ чернь ѣду, звѣря промыслять;

а самъ взялъ да залегъ въ лѣсу у дороги,—караулю... День прошелъ, дру-

гой прошелъ. Лежу, караулю. Гляжу: вечеромъ, темно ужъ, Максимка ѣдетъ

въ аилъ нашъ, прямо къ моей избѣ; потыкалъ въ окно... Вижу: баба

выпустила... ну, и поймалъ!.. Ладно, што ты сбѣжалъ... голову унесъ! не-

ожиданно закончилъ Сарбыска, взмахнувъ кулакомъ.—А черезъ недѣлю...

бабу мою укралъ. Сманилъ ее—къ нему сбѣжала!..

— Гдѣ-же она теперь?.. прервалъ я...

— У него, у Максимки живетъ въ хозяйкахъ!..

— Ну что же скажешь, Деркинъ? спросилъ я. Какъ-же ты вчера

заклинался, что между вами ничего не было, а?.. зачѣмъ же лгалъ? или

думалъ, что не раскроется ничего, а?..

— Напраслина... Все это, ваша милость,—пустыя слова! нахально, почти

въ упоръ глядя на меня, отвѣтилъ онъ. Точно... жена его и посичасъ у меня

въ дому въ батрачкахъ живетъ... единственно, говорю, изъ жалости по че-

ловѣчеству будто взяли... Прибѣгла вся избитая, въ ноги это хозяйкѣ моей

кинулась... спаси де... убейтъ! Ну, татарка, татарка, да вѣдь человекъ-же...

Хозяйка и сжалилась; взяла въ батрачки къ себѣ!.. Даже безъ вѣдома моего

единственно по сердоболью...

— Вре-е-ешь! крикнулъ Сарбыска. Баба моя хозяйкой у тебя, а твоя

хозяйка батрачкой робить на нее. Ты свою хозяйку извелъ, мертвая хо-

дитъ... Цѣлуй хрестъ, правду-ли говоришь. Ты ее сманилъ... любовницей

моя баба у тебя!..

— Староста, правду Сарбыска говоритъ—или нѣтъ, а?

— Оно, ваше благородье... признаться, какъ дѣло-то не касающее насъ, такъ и не въ домекъ намъ будто, чего въ чужомъ домѣ дѣется! крикнувъ предварительно въ ладонь, уклончиво отвѣтилъ мнѣ староста...

— Флегонъ Иванычъ! вѣдь ты присягу прималъ... присяжный человѣкъ-то. Зачѣмъ ты это грѣхъ-то прикрывашь, а? спросилъ вдругъ, выдѣлившись впередъ старикъ, голова котораго была совершенно обнажена и только жиденькія клочки сѣдыхъ волосъ торчали на подбородкѣ; пришелъ онъ съ просьбой о сынѣ, неправильно будто бы выбранномъ въ сотники при волостномъ правленіи, и все время стоялъ молча у порога.—Вѣдь все село знаетъ, продолжалъ онъ, што... энта татарка, жена-то Сарбыски, въ полюбовницахъ у Максима-то Николаича живеть... И батюшка-то, отецъ Миколай, рази мало его шпынялъ, што онъ жену-то въ батрачки обворотилъ, а полюбовницу—нехристь... хозяйкой въ дому поставилъ, а?

— Нѣшто спрашивалъ кто твоихъ-то извѣтовъ, а? обратился къ старику Деркинъ, лицо котораго исказилось судорогой и побагровѣло. Аль съ насердкы, што я по волостному суду съ тебя долгъ взыскалъ, што коня да корову продали у тебя для уплаты мнѣ, такъ думаешь извѣтомъ своимъ утопить меня?...

— И самъ утонешь, безъ чужой помочи... дай время! усмѣхнувшись, отвѣтилъ старикъ и покачалъ головой.—Напраслина, извѣтъ вишь! произнесъ онъ, разведя руками.—Праведный-же ты, поглядимъ, человѣкъ... праведный... снова усмѣхнувшись, произнесъ старикъ.—Аль думаешь, што тыщи нажилъ... съ праведныхъ дѣловъ-то своихъ, такъ и правды про тебя не скажи... Всѣ молчи... и молчать... Вишь ты мастеръ съ языковъ-то у мірянъ правду виномъ споласкивать, да рты рублями затыкать. За што ты парня-то погубилъ, хошь-бы взять того-же Сарбыску? А? Скажи-ко... у парня-то, можетъ, только и свѣту въ глазахъ было, што баба по сердцу, а ты и ту сманилъ... А ишо крещеный человѣкъ зовешься... церковный староста!...

При этихъ словахъ старика, Сарбыска всхлипнула, какъ ребенокъ, и обтеръ кулакомъ правой руки набѣжавшія на глаза слезы. Деркинъ, весь блѣдный, стоялъ неподвижно, потушивъ глаза и скрестивъ на животѣ руки.

— Слышишь, Деркинъ, что говорятъ про тебя, а?... спросилъ я.

— Пушай, чего хотять, то и говорятъ, ваша милость! Со злобы вѣдь это сердце-то точать на меня... Вишь мои тыщи имъ спокою не даютъ!.. отвѣтилъ онъ.

— Со злобы... снова усмѣхнувшись, произнесъ старикъ. Э-э-эхъ... Максимъ Миколаичъ, опомнись-ко лучше, о Богъ-то вспомани хошь разокъ: ты вотъ на лобъ-то себѣ крестъ намытывашь, а въ душу-то чорта на фатеру пустилъ... Право... не погнѣвись на словъ!... Сарбыска нехристь, да чище тебя!... За што ты губишь его? Онъ вотъ съ дурости лошадей у тебя угналъ, его воть судить будутъ, какъ конокрада, а нѣшто не слышно на міру, зачѣмъ онъ

угналъ ихъ у тебя: дескать ты объ лошадахъ всплакнешь, такъ и бабу ему оборотишь... на лошадей ему бабу промѣняшь...

— Зачѣмъ ты сманилъ у него жену?.. спросилъ и Деркина.

— Напралина все это, ваша милость! пустяя слова... Она сама пришла... Говорю, изъ жалости взяли... хозяйка моя по сердоболью...

— По сердоболью!.. И старикъ, засмѣявшись, покачалъ головой. Сердобольна-же, видать, што постель твоей полюбовницѣ стелеть... да ходить, подтирать и подмывать за ней... Сама въ дому-то слова не смѣтъ сказать, на куфнѣ съ работниками пьетъ и ѣсть, а спитъ-то какъ собака у порога на рогожѣ. А батрачка веѣмъ въ дому заправлять... барыней погуливать... Ну, и диво... какое нонѣ сердоболье... у людей стало!.. закончилъ старикъ, разводя съ ироніей руками...

Деркинъ упорно молчалъ.

— Ну, что жъ, Сарыска? Ты отдашь Деркину лошадей, если онъ отпустить твою жену къ тебѣ?..

— Отдамъ... самъ пригону... бери!..

— Не пушу я къ нему жены его, ваша милость, што хотите, то и дѣлайте со мной, поблѣднѣвъ и закусивъ губу, рѣшительно произнесъ Деркинъ слегка задрожавшимъ голосомъ; не приму этого грѣха на душу. Онъ убьетъ ее... нѣшто это человѣкъ... это звѣрь!..

— Не ткну... пальцемъ, вре-е-ешь!.. крикнулъ Сарыска.

— Убьетъ!.. да вы извольте допрежъ ее спросить... пойдеть-ли ишо она къ нему... Насилить человѣка тоже, полагать надоть, законувъ нѣтъ... Коли она пойдеть къ нему, и пушай идеть съ Богомъ; мнѣ-же легче будетъ: не будутъ со злобы на меня покленувъ власть... Изволили слышать... хозяйка единственно по сердоболью, какъ предъ Богомъ скажу, взяла ее, отъ смерти штобъ спасти, а на меня эвонъ какія слова поносятъ... какихъ у меня въ помыслѣ-то не было! Вы спросите-ка лучше, чего онъ собака надъ женой-то своей дѣлалъ?.. обнажилъ ее, привязалъ къ березѣ, да плетью дралъ; на шкурѣ-то у нея цѣльнаго мѣста не было, какъ въ домъ-то къ намъ прибѣгла.

— Правда это, Сарыска, что Деркинъ говоритъ про тебя?..

— Стегаль!.. уму училъ. Нѣшто ужъ бабы и поучить нельзя?.. а ты у своей-то бабы... ноги отшибъ... такъ што не сказывашь?.. спросилъ Сарыска, оборотившись къ Деркину. Ты хуже свою-то бабу билъ... Безъ ногъ стала... Ты свою то бабу въ гробъ бьешь, штобъ сдохла... скорѣй!..

Я велѣлъ привести жену Сарыски.

Чрезъ четверть часа въ комнату робко вошла женщина лѣтъ семнадцати или восемнадцати на видъ, одѣтая въ бѣличью шубку, крытую тонкимъ синимъ сукномъ; на голову ея накинута былъ красный пуховый платокъ.

Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, но и теперь иногда въ моей памяти воскреснетъ образъ этой женщины, по странной прихоти природы родившейся въ глуши татарскаго айла, въ нищенской обстановкѣ и грязи бревенчатой юрты. Въ наружности ея не было ни одной черты, выдававшей ея инородческое происхождение. Выбивавшіяся изъ подъ платка густыя пряди черныхъ съ синеватымъ отливомъ волосъ обрамляли блѣдно-матовое лицо ея, имѣвшее совершенно овальную форму; прямой, тонкій, правильный носъ, изящный складъ алыхъ губъ, изъ подъ которыхъ, когда она говорила, сверкали ровные ослѣпительной бѣлизны зубы, и особенно большіе синіе глаза ея, ослѣненные густыми черными рѣсницами, — глаза, имѣвшіе какой-то лучистый блескъ, когда она поднимала опущенные вѣки, — придавали лицу ея такую невыразимую прелесть, которую уловить и передать можно только кистью, но не перомъ.

— Какъ тебя зовутъ, голубушка?.. спросилъ я, невольно очарованный ея наружностью.

— Атія! тихо отвѣтила она.

— Зачѣмъ ты ушла отъ мужа?.. Онъ вотъ хочетъ взять тебя съ собою. Пойдешь къ нему, а?..

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, нѣ-ѣ-тъ, нѣ-ѣ-тъ!.. съ испугомъ отвѣтила она и отшатнулась къ углу печи. Не пойду, нѣ-ѣ-тъ!

— Отчего?..

— Убьетъ... застегать!

— Атія... иди... иди... со мной... не ткну пальцемъ... убей шайтанъ, не ткну... слышь! весь задрожавъ, произнесъ Сорбыска, сдѣлавъ шагъ къ ней: иди... иди!..

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ... убьетъ!.. почти закричала она и закрыла отъ страха лицо платкомъ, точно ребенокъ.

— Ужъ гдѣ... пойдетъ она къ нему, ваше благородье! Чего и спрашивать?.. какая неминя ей идти! снова вступился старикъ. Здѣсь она во-онъ въ какомъ добрѣ, да въ холѣ живетъ, а у Сарбыски и перекусить-то нечего... бѣднота... — Пустая плошка, да облебанная ложка — вотъ и все хозяйство въ избѣ.. пошла-бы!.. Вѣдь баба, што корова, гдѣ слаще поятъ, кормятъ, туда и бѣжить!..

Въ это время Атія откинула платокъ, которымъ закрывала лицо и въ глазахъ моихъ мелькнула бѣлая рука ея, длинныя тонкіе пальцы которой были унизаны золотыми и серебряными кольцами... Бѣлизна руки дѣйствительно свидѣтельствовала о полной холѣ и отсутствіи всякой черной работы...

— Иди къ мужу! што-жъ не идешь?.. произнесъ Деркинъ, искоса взглянувъ на нее, и въ этомъ искоса брошенномъ взглядѣ сказалось такъ много глубокой любви и нѣжности къ ней, какую даже трудно было предположить

въ этой лживой и грубо-эгоистичной натурѣ.—Иди, а то вишь меня попрекають тобой!

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, нѣ-ѣ-ѣтъ!. Убьетъ! снова замотавъ головой, отвѣтила Атія.

— Берите ее, ваше благородье, если имѣете такую власть, произнесъ Деркинъ, а только доложу вамъ,—убьетъ онъ ее, убьетъ!.. Ну тогда, по крайности, ужъ грѣхъ на вашей душѣ будетъ!.

— Ужъ теперъ чего говорить... какое межъ имя житье будетъ!.. снова вмѣшался старикъ. Теперъ того и гляди, што онъ ее застегнетъ... Иль она ему сонному ножемъ горло перехватитъ!..

Около полудня ко мнѣ пришелъ мѣстный священникъ и заявилъ, что онъ недопуститъ возвратитъ Атію мужу, такъ какъ она готовится принять по желанію своему св. крещеніе. Когда я объяснилъ Сарыскѣ, почему нельзя возвратитъ ему Атію и посоветовалъ отдать лошадей Деркину, онъ долго стоялъ молча и, наконецъ, взмахнувъ головой, сказалъ: „э... бѣдному народцу... ни гдѣ правды не найти... Бери лошадей... пускай меня на волю!“ И, уткнувшись въ уголъ, горько заплакалъ, закрывъ лицо полою аяма. Мнѣ было жаль Сарыску: видно было, что онъ любилъ Атію и вмѣстѣ съ нею потерялъ все, что было отраднаго въ бѣдной его жизни. Онъ привелъ Деркину лошадей, но не принялъ отъ него ни хлѣба, ни денегъ, ни коня, какими хотѣлъ усладить Деркинъ его разбитую жизнь, и исчезъ изъ аила неизвѣстно куда. Атія дѣйствительно вскорѣ послѣ этого окрестилась и наречена была Аксиньей, а года черезъ три овдовѣвшій Деркинъ женился на ней.

И Наумовъ

